

Тибет. Почувствуйте разницу

До границы со стороны Непала мы шлёпали пешком по грязи, пробираясь между хаотично стоящими грузовиками. Прошли таможенную, которая ютится в небольшой сараюшке. Два таможенника споро вскрывают багаж и перебирают вещи, что ищут – не знаю.

После перехода границы окружающий мир чудесным образом переменялся. Никакой грязи. Асфальт. Монументальное здание таможни украшено колоннадой. Внутри – ленты транспортёров, рамки металлоискателей, всякие разные сканеры и рентгены.

Но! В Непале багаж проверяют два таможенника. В Тибете – один! Высокий холёный китаец тщательно и немного брезгливо перебирает барахло. Смотрит кадры в дорожных фотоаппаратах (мой такой чести не удостоился). Тут понятно, что он ищет – помимо обычной контрабанды, нужно отследить запрещённую литературу и пропагандистские изображения – например, далай-ламы.

В итоге в таможне стоит ужасная очередь. Несмотря на то, что автоматизированных пунктов четыре, работает только один. Добро пожаловать в Китай.

Два года назад мы в пекинском аэропорту стояли в огромной очереди. Приземлились три-четыре международных рейса, в каждом человек по шестьсот, а окошечко работало только одно! Так вот зачем в Пекине недавно построили такой громадный аэропорт – чтобы очередь поместилась!

Вот и здесь мы стояли два часа, прежде чем пройти все процедуры и наконец-то выйти на белый свет, познакомиться с нашим гидом и нашим водителем.

Потом мы бездарно потеряли ещё несколько часов. В Тибете иностранцу недостаточно визы. Нужно получить ещё так называемые пермиты – допуски в разные районы (эти пермиты потом у нас проверяли не меньше десяти раз в день). За пермитами мы поехали в специальную контору, но опоздали – там начался обед. А обед – чтоб мы так жили! – с часу до половины четвёртого. Это Китай... Впрочем, Родина тоже вспоминается. Особенно когда речь идёт о справках и прочих документах.

Зато! Наконец-то прекрасные, асфальтированные дороги! Горные серпантины, конечно, но комфортные, достаточно широкие. И куда только подевались те грузовики, которые стояли в очереди на границе? Дорога совсем пустая, едем практически в одиночестве. У нас была просто эйфория после непальского экстрима.

Но скорость движения строго ограничена. Отслеживается она очень просто. Через каждые двадцать-пятьдесят километров пропускные пункты. Там проверяют документы, в том числе наши пермиты, и ставят отметку времени. Рано приехал на следующий пункт – штраф за превышение скорости, и немаленький. Поэтому иногда можно увидеть машины, стоящие на обочине. Это значит, что в километре отсюда пропускной пункт, и водители останавливаются, чтобы «добрать» недостающее время.

Всё не так, как в Непале! Даже природа поменялась. По-прежнему прекрасные горы, и пока ещё покрытые деревьями. Но и деревья, и кустарники другие, и экзотические цветы исчезли.

Населённые пункты тоже выглядят по-другому. Не говоря уж о людях. Непальцы, как и индусы, принадлежат к европеоидной расе, а китайцы и тибетцы – к монголоидной.

Я вряд ли отличу китайца от тибетца, но всё же они абсолютно разные.

Китай и Тибет – история вопроса

Географически Тибет изолирован и от Китая, и от Индии. И большую часть своей длинной истории он был независимым государством. Но в пятидесятые годы двадцатого века китайская армия вошла в Тибет и объявила его Тибетским автономным районом. В 1959 году начались антикитайские восстания, которые были подавлены. Далай-лама, управлявший Тибетом, бежал в Индию, где и живёт до сих пор. Сейчас ему 83 года. На севере Индии находится «Тибетское правительство в изгнании» – настоящее правительство, с парламентом, советом министров, судебными органами. Только без страны.

А в Китае в 60-х годах, если помните, была культурная революция. Буддистские монастыри Тибета были закрыты или разрушены, произведения религиозного искусства уничтожены. Это не добавило популярности китайским властям, однако... против лома нет приёма.

Но прошли годы. Культурная революция давно объявлена прискорбной ошибкой. В Китае – стремительный рост экономики. Китайцы в Тибете построили прекрасные дороги и города.

И, конечно, начали переселяться на

территорию Тибета. Если бы не большая высота и не самый комфортный климат (хотя мы и похуже климат видали), тут было бы уже очень людно. Хотя уже сейчас в Тибете больше китайцев, чем тибетцев, а всего десять лет назад у тибетцев был перевес.

Мы проезжали мимо городов, в которых видели пока что пустые районы, с прямыми улицами, аккуратными коттеджами, какими-то зданиями типа школ-поликлиник, только что высаженными деревьями. Ждут пополнения из Китая.

Официально считается, что основной язык в этом районе – тибетский, а китайский имеет статус второго. Однако все учреждения используют только китайский язык, тибетцы в общей массе китайского не знают, особенно в деревнях. А языки очень разные!

На вывеске, рядом с китайскими иероглифами, над английским текстом – надпись по-тибетски. Эта письменность произошла от древнеиндийской. А теперь сравните размеры шрифтов... И так везде.

Наш гид был тибетец. Общался с нами он по-английски, и я была удивлена, узнав, что по-китайски он знает только несколько слов. Однажды он нам сказал, что собирается выучить ещё несколько языков. Но не китайский. Это, как он выразился, ему неинтересно. Про политику мы больше не разговаривали, но, по-моему, и так всё было ясно.

Понятно, почему в Тибете такие строгости и проверки иностранцев на каждом шагу. Многие страны заинтересованы в отделении Тибета от Китая, и китайцы боятся восстания, которое может быть спровоцировано извне.

Мы едем по горам

Да. Мы не шли с рюкзаком за плечами по перевалам и не разбивали палатку между скал. Мы ехали на машине и горы видели в окно. Иногда выходили погулять и пофотографировать.

В своё оправдание могу сказать, что внешний вид гор не зависит от того, испытываешь ты тяготы похода или нет.

По мере того, как мы поднимались, растительности становилось всё меньше – сначала исчезли деревья,

потом кустарники,

потом только кое-где проглядывали клочки травы, и вот наконец-то горы стали совсем голыми.

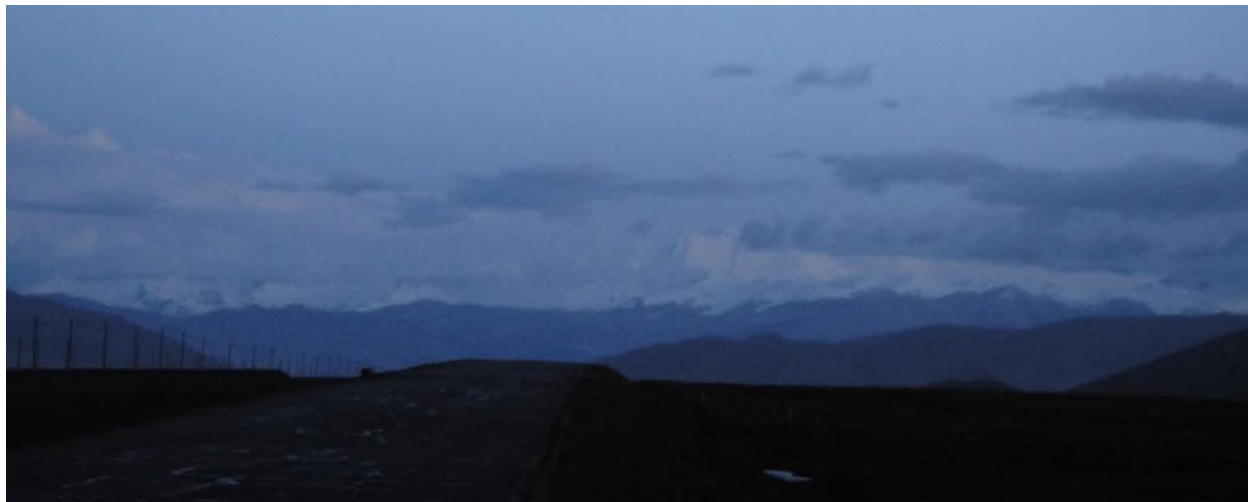

Высота всё увеличивалась, и вот уже совсем рядом возникли снежные вершины, просто рукой подать.

Гид проинформировал нас, что это семитысячники, а мы проезжаем перевал на высоте пять тысяч метров. И он не последний.

Однажды даже удалось одним глазком посмотреть на Эверест. Правда, вечером и совсем издалека – но ничего, мы к нему ещё приедем.

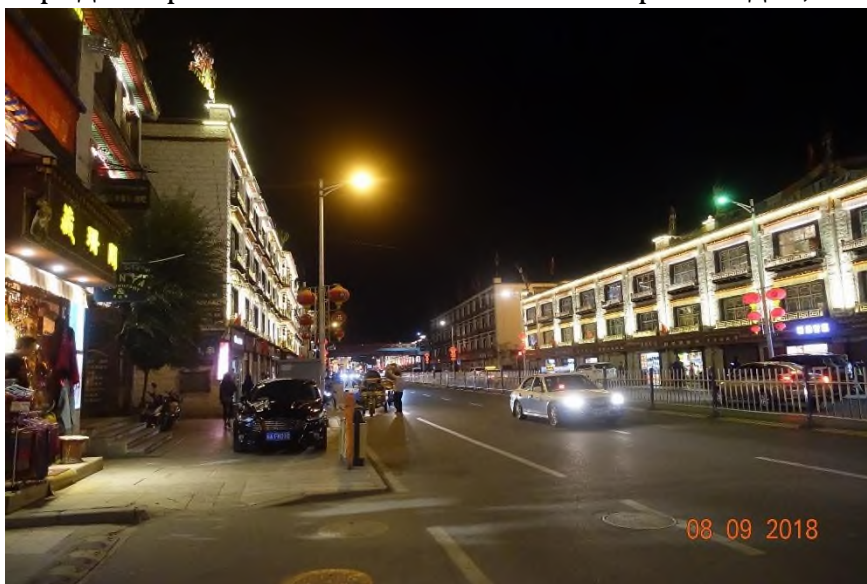
Мы выбивались из графика, поэтому ехали и ночью тоже. Кстати, для этого пришлось просить разрешения в компании, где работал водитель. По закону он не должен работать после десяти вечера.

Я дремала на заднем сиденье (в машине было три ряда), завернувшись в спальник. А Большая медведица лежала на боку прямо над линией горизонта...

Лхаса

В девяностые годы был бум всякой эзотерической литературы, Рерихов-Блаватской, и везде упоминались тибетские мудрецы, которые знают Истину, и судьбы мира могут вершить, и в будущее смотреть. И обитали тибетские мудрецы в основном в Лхасе, а где же ещё – это столица Тибета.

...От аэропорта до Лхасы ведёт отличное широкое шоссе с тоннелями (их, кстати, наши помогали строить), и мы немного проехали по этой дороге. На окраинах – многоэтажные здания, и довольно большая часть города – промышленная зона. Что там производят, мы так и не узнали.

Руководитель тибетского агентства (китаец, прекрасно говорящий по-русски) сначала хотел нас поселить в современном отеле, но мы отказались – пусть в старой гостинице, зато в центре города, чтобы на такси взад-вперёд не ездить.

Я немного волновалась, подъезжая к Лхасе – как-никак, высота здесь 3600, и меня предупреждали, что поначалу будут проблемы со здоровьем. Поделилась своими соображениями с гидом. Он флегматично заметил, что мы не поднимаемся, а спускаемся. Мы провели предыдущую ночь в гостинице города Шихадзе (именно Шихадзе, а не Лхаса – религиозный центр Тибета), а там высота 3900. И я успокоилась.

Отель «Як» действительно был на центральной улице Лхасы, и до всех достопримечательностей рукой подать. Немного портил настроение неизбывный запах канализации в номере. А откроешь окно – доносится вонь продаваемой на улице китайской еды. Пришлось покупать ароматические индийские палочки и жечь их (вот уж никогда бы не подумала, что буду когда-нибудь это делать – но выхода не было, они хоть как-то спасали).

Рядом с отелем был относительно приличный ресторан с поэтическим названием «Дуня» («Dunya»). Самый лучший в Лхасе, на мой взгляд. Там мы попробовали стейк из яка. Вова скривился, а мне даже понравилось, хотя это был совсем не стейк, а тушёное мясо. Здесь просто не умеют готовить. Зато в ресторане делали хороший эспрессо, и был неплохой выбор вина и даже коньяка.

Что меня удивило и порадовало в Лхасе, так это обилие зелени, цветов и деревьев.

В одном саду мы даже видели бамбук, который по логике вещей на такой высоте и в таком климате расти не должен.

Оказывается, высота высотой, а если посадить и ухаживать, то хоть «на Марсе будут яблони цвести».

Дворец Потала и прочие храмы с дворцами

Дворец Потала – визитная карточка Лхасы. Монументальное и прекрасное сооружение. Даже я, при моём неоднозначном отношении к буддистской архитектуре, была впечатлена.

Это и дворец, и храмовый комплекс одновременно. В нём была зимняя резиденция далай-лам начиная с седьмого века. А в нынешнем виде он существует с 17 века.

Дворец построен на высоте 3700 метров. Сколько он сам в высоту, не знаю, но гид сказал, что примерно 13 этажей.

Туристы идут из одного зала в другой сплошной толпой, как в Ватикане, вертя головами на изображения лам и будд. Помещения освещаются масляными лампами – в чашах, наполненных коровьим или ячьим маслом, плавают фитили свечей. Запах специфический.

Наши знания о буддизме довольно скудные, поэтому гиду пришлось устраивать нам по ходу дела ликбез. А то все изображения божеств-бодисатв на одно лицо. Интересно, что многие артефакты (среди них есть даже очень древние, аж седьмого века) уцелели даже во времена культурной революции. Но не все. Те, которые были уничтожены хунвэйбинами, заменены копиями.

Во внутренних помещениях фотографировать нельзя. Можно только на внешних галереях. Вот любопытная деталь: те стены, которые выкрашены в красный цвет, не из

камня или кирпича, а из соломы. Она выполняет функцию и утеплителя, и облегчителя конструкции. Кстати, красят дворец раз в год, поэтому он выглядит таким новеньким.

Лхаса, увиденная с высоты, удивила своими внушительными размерами. Я думала, она меньше.

В Лхасе мы побывали ещё в храме Джоканг (храм действующий) и в летнем дворце далай-лам Норбулинке.

В резиденции ламы сейчас музей. В музее сохранены все вещи, которыми пользовался ныне здравствующий изгнанник. Радиоприёмник пятидесятых годов. Посуда. Постель. Даже ванна и унитаз.

Такое впечатление, что китайские власти постоянно подчёркивают: всё это – ваше прошлое. Музейное прошлое, о сохранности которого мы тщательно заботимся, чистим, подкрашиваем. А настоящее – вот оно, на портретах и плакатах.

Про нашего гида, туристическое агентство и Кайлас-Кору.

Когда мы приехали в Лхасу, позвонил руководитель туристического агентства, китаец Ван Ман, и пригласил нас на встречу. Зачем мы ему были нужны, мы точно не поняли. Но предположили, что ему было любопытно посмотреть на людей, которые припёрлись в Тибет без цели пройти Кору вокруг Кайласа.

Кайлас – это гора на юге Тибетского нагорья, которая считается священной и в буддизме, и в индуизме. К ней приходят тысячи паломников, чтобы совершить ритуальный обход горы по часовой стрелке (такой круг называется корой). В основном паломники – это коренные жители Тибета, китайцы, индусы. Но очень много и эзотерически настроенных европейцев. Ну и наших, конечно. Считается, что совершившие кору сбрасывают с себя кармический груз прошлого.

Моё мнение о карме, просветлении и прочих вопросах духовности я здесь излагать не буду. Главное, что это мнение в общих чертах совпадает с Вовиным.

Кора вокруг Кайласа не входила в наши планы. Эту тему в разговоре с Ван Маном мы развивать не стали. Нет у нас в программе Кайласа, ну и нет. Поболтали немного на светские темы, да и всё.

Политики, естественно, не касались. Но я его порадовала одной фразой: «...китайцы построили здесь дороги.» Он аж просветлел: «Хорошо, что вы это понимаете!»

Попеняли ему за то, что у нас нет русскоязычного гида. «Что делать?» – развёл он руками. – «Все русскоязычные гиды на Кайласе, и они китайцы. А у вас маршрут предполагает заезд в тибетские деревни, где по-китайски никто не говорит. Где ж я вам русскоязычного тибетца найду? И китайцев-то таких немного. Они все сидят в Пекине и Шанхае, где и зарплаты выше, и цивилизация рядом.»

Нашего гида звали Ке Джуп. Вообще-то у нас не было проблем с взаимопониманием. Несколько раз, правда, были конфузы, причём с самыми простыми словами. Скажем, он произносит «форисИт», с ударением на последнем «и». Кто форисит? Куда форисит? Переспрашиваю. «Ну, это – много деревьев». «Forest»? «Yes. Форисит.».

Или, скажем, слово «кафф». Что такое «кафф»? Ке Джуп смотрит на

меня с укоризной – такая взрослая тётя, а «кафф» не знает. Это, тётя, когда дождь дырку в горе вымывает. «Саве», что ли? Ну да. «Кафф».

За неделю, что мы провели в обществе нашего гида, мы посмотрели кучу фотографий и видео его маленькой дочки и беременной жены, а также прочих родственников. Ке Джуп – совсем молодой парень, амбициозный, очень преданный своей семье и любящий свою родину – Тибет. Китайские порядки он политкорректно не комментировал.

Монастырь Драк Йерпа

Мы съездили из Лхасы в один из больших и известных монастырей Тибета – Драк Йерпа. Он состоит по большей части из пещер для медитации. Мало того, что он находится на высоте около четырёх тысяч. Туда ещё нужно идти по

крутой тропинке вверх, и честно скажу, мне подниматься было нелегко.

Кстати, обойдя монастырь по часовой стрелке, мы тоже совершили кору.

Потолок в пещерах-гротах весь в копоти от масляных ламп. В каждой пещере – изображения бодисатв и религиозных деятелей.

Ке Джуп устроил мне экзамен. Если под изображением была подпись на английском, он закрывал её

ладошкой и спрашивал меня: «Что это за Будда? Посмотри, как он сидит. Как на стуле! А на голове у него ступа! Правильно, Будда будущего, Матрейя». «А это кто? Правильно, Будда настоящего, Шакьямуни, а по каким признакам? Вспоминай, вспоминай, я вчера об этом говорил!» Я неуверенно что-то бляяла в ответ: «Ну, он сидит на лотосе...» «Мало. Ещё надо знать, что левая нога касается земли, а в правой руке – чаша для подаяний».

Я запоминала. Меч в руках – у Будды мудрости (нелогично, правда?) А чёрное свирепое лицо у Будды Энергии. А вот эта женщина с тысячью глаз и тысячью рук – Авалокитешвара. И вообще-то это не женщина вовсе. А похоже. Из его слёз родились две богини – Белая Тара и Зелёная Тара, которых я неизменно путала, к разочарованию Ке Джупа.

Но мне было интереснее рассматривать людей. Туристов в монастыре было мало. Туда приходят тибетцы – спросить совета у монахов, сделать пожертвования, прочесть молитвы. Одна молодая девушка, совсем юная, лет 16-17, удивила меня своей грацией, совсем несвойственной тибеткам.

Я через Ке Джупа спросила у неё разрешения сделать снимок, и она с удовольствием согласилась. Мало того, тут же образовалась очередь фотографироваться с нами, так что мы немного побыли фотомоделями.

Тибетские традиции

Тибетского мужчину от китайского я, пожалуй, не отличу, а вот женщину – запросто. Тибетки (ну, может, кроме самых юных) носят плотные полосатые фартуки. Иногда шляпы.

Религия Тибета – буддизм. В Тибете есть как минимум четыре разных школы буддизма, каждая из них представлена своими монастырями и храмами. Не думаю, что обычные люди вникают в философские отличия. Но весь уклад жизни и все традиции определяются буддизмом.

В Тибете есть места, которые отмечены большим количеством молитвенных флажков. Мы видели, как рядом с ними располагаются семьи,

приехавшие на машине, как будто на пикник – но на самом деле это ритуальные трапезы в священном месте. В таких местах можно встретить условные изображения лестниц, похожие на детские рисунки. Это «лестницы Будды». По ним Будде удобно будет спуститься с небес на землю.

Буддистские традиции не позволяют тибетцам есть мясо. Кроме мяса яка. Ке Джуп объяснил нам, что, например, рыбу есть нельзя, потому что рыба маленькая, и получается, что ты один забираешь у неё целую жизнь. Это относится и к курице, и даже к овце. А вот як большой, и его жизнь отдаётся за то, чтобы накормить много людей.

Ну, надо было сделать послабление в буддизме для тибетцев. У них мало что растёт (пока китайцы не понаехали и не понаставили теплиц), если ещё и яков запретить есть, что же будет?

Правда, мясо яков они предварительно сушат, а потом кидают в суп с лапшой высушенные катышки. Совсем неаппетитная еда.

А вот гид с водителем останавливались в придорожных деревенских забегаловках, ужасно грязных, где им давали лапшу, ту самую, с катышками из сушёного мяса. И ещё они пили чай. Чай совсем не такой, как мне хотелось бы. Это вода, подкрашенная неизвестно чем, с солью и маслом, коровьим или маслом яка. Ке Джуп наставительно поправлял нас: нельзя говорить «масло яка». Самку яка называют ди (ну, как у нас корова и бык). Нужно

говорить «масло ди».

Я так и не смогла себя заставить проглотить это питьё. Хотя, наверное, это питательно.

Нас с Вовой кормили в специальных ресторанах, предназначенных для туристов. Несмотря на то, что это было в разных деревнях или городках, там мы постоянно пересекались с одними и теми же группами из Западной Европы и Канады, уже узнавали друг друга и радостно здоровались.

Рестораны – это громко сказано. Столовки, скорее. Где-то получше, где-то похуже. Но там подавали еду, хоть как-то похожую на европейскую. Ещё в Лхасе мы заказали в одном (кстати, очень известном) ресторане блюда местной кухни и после этого твёрдо решили больше не экспериментировать. Тибетская еда не для нас.

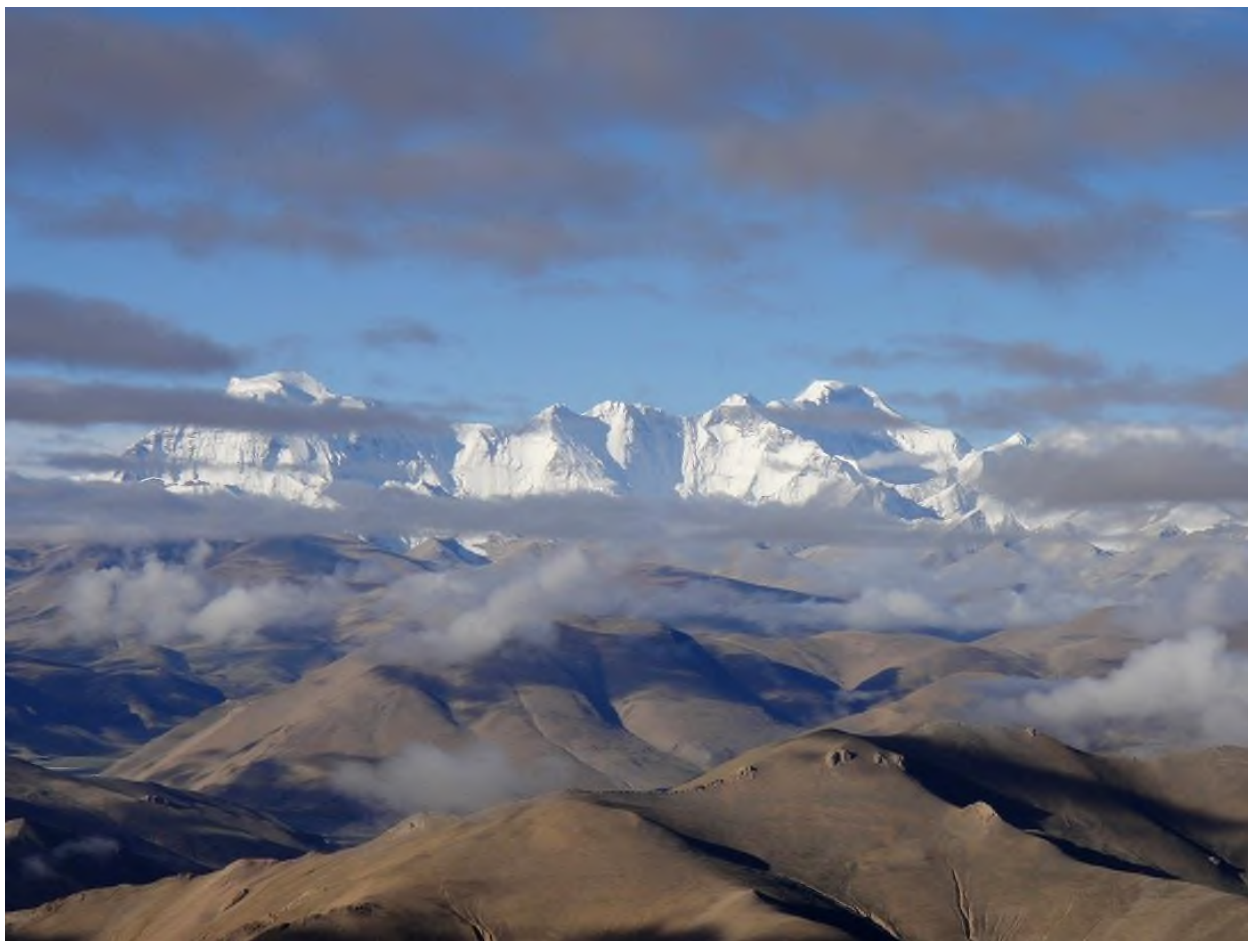
Но однажды мы в деревенском «кафе», чтобы просто так не сидеть, пока водитель с гидом обедают, попросили принести чаю. Уточнили: чёрного чаю. Без масла.

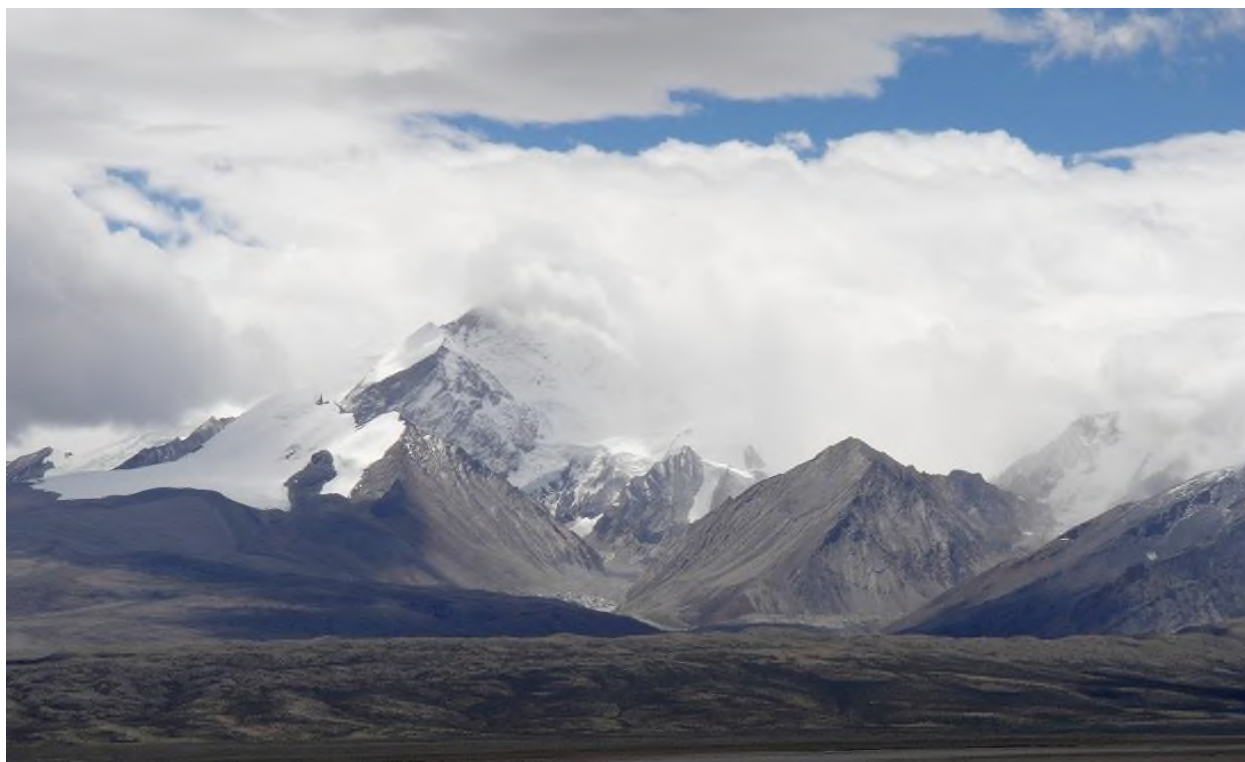
И нам принесли не очень горячую водичку подозрительно жёлтого цвета. Солёную. Я пить не стала. Гид объяснил хозяину кафе, что для меня слишком много соли. Хозяин всё понял. Унёс термос. Принёс его снова. Разбавленный водой наполовину.

Странно, но обычные пакетики с чаем очень трудно найти. Даже на завтраке в гостинице не всегда бывают. Но мы приобрели себе термос, натырили в разных отелях пакетиков и пили чай в машине, заедая какой-то дрянью типа печенья или чипсов, купленных в деревенских магазинах по дороге.

Слава богу, ни я, ни Вова не делали из этого трагедии. То, что мы здесь увидели и узнали, стоит того, чтобы пожертвовать вкусной едой.

Горы! Нет слов, чтобы описать их холодную красоту! Интересно, какое чувство испытывают к ним люди, которые здесь родились? Дают ли им имена? Любуются ли пейзажем или не замечают его?

Ке Джуп сказал, что какие-то вершины считаются священными, другие – нет. Каков критерий, не знаю.

Однажды, проезжая ночью по городу, мы увидели странное шествие. По улице шли мужчины, обняв друг друга за плечи и покачиваясь. За собой они везли что-то вроде тележки, на которой был длинный предмет, завёрнутый в материю. Я не сразу догадалась, что это, но позже гид подтвердил – да, это похороны. Но в два часа ночи?

Когда человек умирает, его тело несколько раз провозят вокруг монастыря – совершают кору (и в какое время это происходит, неважно). Потом монахи читают над ним молитвы. Тело не хоронят в земле и не сжигают. Его относят на вершину горы, расчлениают и оставляют птицам. Это, как объяснил Ке Джуп, «contribution». Ведь это теперь не человек, а только пустая оболочка, её нужно отдать природе.

И для такого погребения подходит не всякая гора, а только священная.

Мрачноватая картина. Хотя я никакого варварства здесь не вижу. Такие традиции.

Священное озеро Ямдрок

Из Лхасы мы поехали смотреть священное озеро Ямдрок. В Тибете довольно много озёр, но священными считаются то ли четыре, то ли шесть, и Ямдрок – одно из них. Оно находится на высоте около четырёх с половиной километров, и ехать туда надо через пятитысячные перевалы.

Паломники проходят вокруг озера кору.

Но паломников мы не видели, а вот туристов там пруд пруди. Для туристов на одном из перевалов устроена площадка, где продают всякую сувенирную дребедень, и выставлены животные для совместных

фотографий – наряженные яки, хорошенькие козочки и мастифы.

Мастифов я издали приняла за... львов, хотя откуда бы там взялись львы? Не выдержала и сфотографировалась с мастифом. За десять юаней. Хорошая собачка. Большая. Шерсти не меньше, чем на яке.

Я ожидала увидеть круглое большое озеро, но оно на самом деле вытянутое и изгибается среди гор, как река. Вода – бирюзового цвета.

Мы спустились к озеру. Отбрехали от предприимчивых аборигенов, которые и здесь предлагают сфотографироваться с яками.

Потрогали воду. По моим ощущениям – градусов 10-12. То есть холодная, но быстро окунуться можно, было бы желание. Желания как-то не возникло.

Тибетцы считают воду Ямдрока целебной. Не знаю, не пробовали. Вова поинтересовался у гида, водится ли тут

рыба. Гид сказал, что не знает. В Тибете рыбу не едят, да и ловить что-то в священном озере как-то неприлично.

Китайцев святость озера волнует мало, и на Ямдрокке построена водозаборная станция. Но вроде бы на уровне воды это не сказалось. Пока.

